

ФРАНЦУЗ НИКОГДА НЕ КУПИТ КРЕМЛЬ

Век клуб,
-1999-
-14авг.-с.б

В конце мая в Горховском переулке открылась Школа акварели Сергея Андрияки. В середине августа школа начинает прием учащихся — детей и взрослых. Андрияка мягок и по-старомодному интеллигентен, чужд политических тем и хозяйственных интриг. Его отношения с властями строятся скорее в онегинском духе ("Чем меньше женщину мы любим..."). На вернисажах Андрияки никогда не увидишь парадных портретов, он не хватается за любой заказ от мэрии. Есть, правда, три момента, которые сближают Андрияку с другими придворными живописцами: он страшно плодовит, серьезен и обращен в прошлое (ориентируется на исторический стиль, а потому сразу претендует на звание классика). Его воздушное искусство акварели способно растрогать самого толстокожего функционера. Кто из русских не умилился перезвону колоколов, первому снегу и тихой улочке? Впрочем и эти ходы в начале XIX века уже апробировали немцы, открывшие стиль бидермейер (именно этот стиль в советской литературе долго поносили за махровое мешанство). Нет, не к выкрикиванию лозунгов, а к учительству более расположен Сергей Андрияка. Гоним честолюбием, он создал собственную школу. С чего мы, собственно, и начали беседу в его мастерской на Тверской улице.

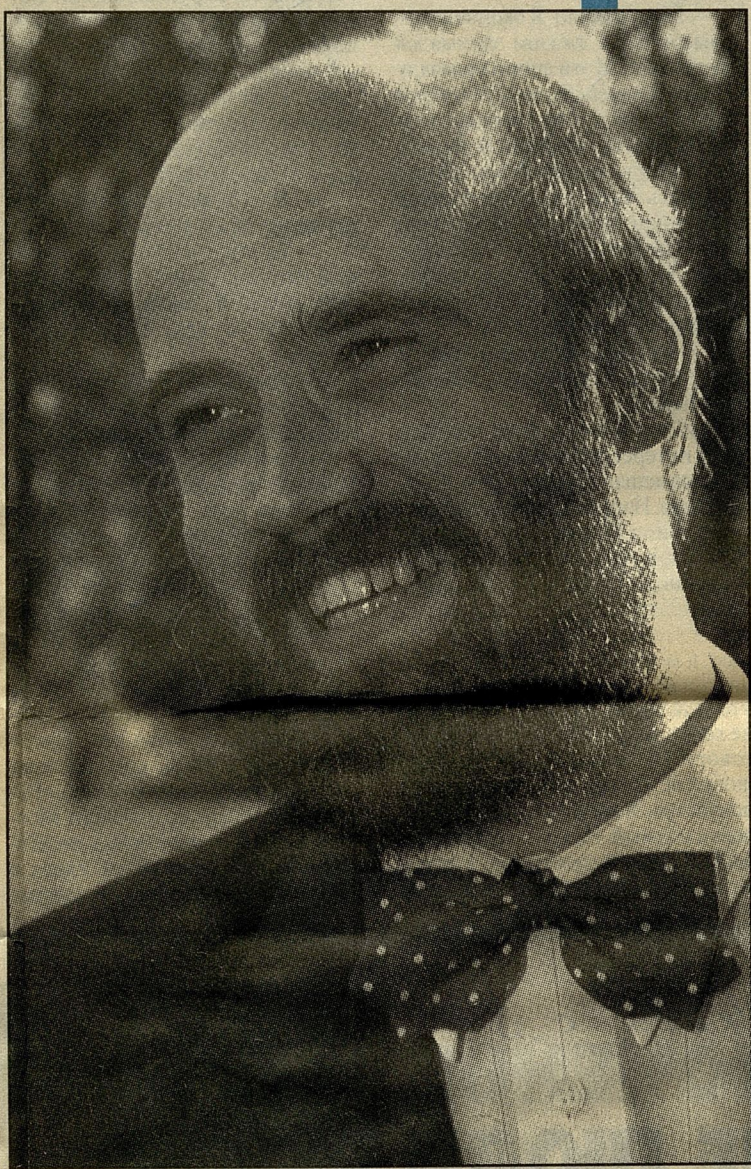

Фото Глеба ШЕЛКУНОВА

— Как родилась идея школы? Когда вы поняли, что пора учить других?

— Сложный вопрос. До этого я тринадцать лет преподавал и в Суриковском институте, и в Суриковской школе. Мой отец с 39 года работал там преподавателем, а потом и директором. Я знаю изнутри и преподавателей, и технику обучения. Я рано понял, что если даю студентам только 10 процентов от того, что могу дать, из-за директив, выше которых не прыгнешь, — для меня это не работа. Поэтому я сначала создал у себя в мастерской маленькую группу. Теперь, слава Богу, у меня своя школа.

— Почему же школа, а не институт, или Академия, как сейчас модно?

— На совещании, когда придумывали длинное-предлинное название (Московская государственная специализированная...), Юрий Михайлович мне говорит: "Зачем мучаться? Назови просто "Академия акварели". Но с академией у меня возникла бы масса сложностей: это предполагает федеральный статус; пришлось бы вводить общеобразовательные предметы. Тут же вырастет ряд начальников: Министрство общего и среднего образования, Министерство культуры, Академия художеств... А мы свободны! У нас есть исключительные возможности, которых никогда не будет у Академии. Особая программа.

— Хотите сказать, что полностью освобождаетесь от академической рутины?

— Академическое образование за дешево не купишь. Оно уходит отовсюду, разве что в Англию пока еще осталось. Если вы посмотрите сейчас выставки академиков-ветеранов, у вас волосы на голове зашевеливаются. Это — дискредитирующий себя реализм. Страшная вещь, не связанная ни со строем, ни с официальным заказом. Только с общей культурой. Вернее, с ее отсутствием.

— Некогда Ломоносов воз-

рождал мозаику, которая, по его мнению, прославилась бы мощью и богатства России. Каков смысл в возрождении акварели?

— Это не просто техника, это — мировоззрение. У меня недавно занимались американцы из посольства. Люди в возрасте. Они раньше никогда не рисовали. Я с ними то в посольстве работал, то у себя в мастерской. И после нескольких занятий они вдруг говорят: "Знаете, удивительная вещь: сидим в офисе — начинаем любоваться тенями, нюансами, полутонами. Мы начинаем все это видеть".

— Акварель воспринимается как салонное легкое искусство, которым мило украшают белые стены. Музейщики не любят ее за недолговечность. Вы собираетесь разрушить эти стереотипы?

— Вы мою выставку видели? Она их уже разрушила.

— Видел. Прежде всего впечатлили размеры.

— Не в размерах дело. Акварель давно приписана к графике, но возможностей у нее не меньше, чем у живописи. Это знали еще в начале XIX века. Потом все утратили. Знаете, почему здесь акварель считают недолговечной? Недавно ко мне приходил один немец из фирмы, которая снабжает Москву всеми видами бумаг, в том числе акварельными. Он объяснил, что у нас в России вообще не производятся бескислотная бумага, которая не желтеет! В середине XIX века русские фабриканты перестали заботиться о качестве бумаги. И в начале века акварелью писали чуть ли не на оберточной! Все закупки для школы мы делаем на Западе. А примеров долговечности я могу привести множество: до нас дошли акварели Дюрера, которым почти пятьсот лет. У меня лежат гравюры XVIII века; конечно, бумага слегка пожелтела. Но сколько реставрировался Карл Брюллов в масле? А акварель нельзя реставрировать.

— Не помещаете ли вы своих учеников в мир умирно-прекрасного, далекий от нормальной жизни?

— Дай Бог, чтобы они подольше в нем пребывали. У меня четверо детей, и я не хочу покупать им американские книги с фосфоресцирующими картинками. Я покупаю им те книжки, пятчатковые, на которых вырос. Печать не очень хорошая, но была совсем другая эстетика, а не эстетика рекламы. Вот и в школе мы планируем ввести иллюстрацию как предмет. Может, я и Дон Кихот, воюющий с мельницами. Но, знаете, когда я первый раз в Париж попал, для меня настоящим шоком была повсеместная реклама. Теперь и в Москве то же самое.

— Вы усиленно открещиваетесь от современных тем?

— Не надо проблемы современности превращать в темы искусства. Человек всегда был и останется органическим существом. Вы же не будете отрицать, что жить в усадьбе лучше, чем в панельном доме, даже самом конструктивистском.

— А существуют ли симпатичные вам уголки новой Москвы?

— Я пишу Москву такая она есть. Другое дело, что я не люблю урбанистическую архитектуру. Это для Москвы не характерно. В любом городе есть спальные районы, где стеклянные черные короба ничего не говорят ни уму ни сердцу. Другое дело — кусочки старого Замоскворечья, дворики, очень московские бульвары. Свой образ Москвы я создаю чаще по памяти. Храм Христа Спасителя, Дом на набережной...

— Манежная площадь, памятник Петру?

— Манежную площадь? Я не только Манежную площадь, но даже Кремль в его современном виде не писал, кроме куполов. Для меня он не живой, это — приятный макет. Единственно, я Василия Блаженного с натуры писал, и то ночью, с подсветкой.

— Кто из современных художников вам ближе?

— Их не так много. Блестящий художник Миша Абакумов воспеваю свою Коломну. Дмитрий Билокин, прекрасный мастер. Он занимается Пушкиным. К юбилею сделал 200 иллюстраций к «Евгению Онегину», это подвиг. До сих пор издать не может. Валера Страхов из Вологды. Они мало известны в широких кругах. Может быть, о Присекине слышали, потому что в Кремле работал.

— Ходите в современные галереи?

— Нет. Я далек от арт-бизнеса, он мне не симпатичен.

— Не продаете свои работы?

— Я продаю работы, но не через галерею. Я свободен, и это самое дорогое что у меня есть. Если бы я жил на Западе, я бы не был свободен.

— Но Запад — это еще и возможность вписаться в мировую культуру. Церетели, например, все силы кладет, чтобы попасть на Запад.

— Пусть кладет. Мировая культура делается деньгами.

— В ваших работах сильны национальные мотивы — православие, народность. Вас не обвиняли в национализме?

— Никогда. Я делал выставки в Англии, в Германии, в Швейцарии, во Франции. Что касается чистой природы — натюрмортов, цветов и тому подобное — она принимается всеми. Другое дело, что русский человек покупает Эйфелеву башню и вешает ее на стену — для престижа. Француз никогда не купит Кремль и не повесит его на стену, он купит только Эйфелеву башню! Вот недавно в Германии мне надо было купить плакат с Кельнским собором. Мой друг очень его любит. Так я его ни в одном городе Германии раздобыть не мог. Только в Кельне!

— Вас не смущает, что в ряду других художников вас называют «лужковским»?

— Так говорят исключительно из зависти. Я же не ходил за ним по пятам: "Юрий Михайлович, я очень хочу вам понравиться". Он увидел мои работы, они ему понравились. Он сам предложил сделать персональную выставку. Это было в то время, когда Глазунов кричал, что Большой Манеж никто, кроме него, заполнить не сможет. Буквально сразу после его экспозиции открылась моя — шестьсот работ, я весь Манеж завесил. Потом было открытие Малого Манежа, меня и туда позвали. Но никогда я не ходил и не просил: "Давайте устроим мою выставку".

— Вам не доводилось спорить с мэром на художественную тему?

— Нет. Он ничего не диктует, как сделать и что. Я просто представляю его вкус.

— А каков его вкус?

— Очень любит вещи экспансивные, могучие, динамичные, неспокойные. Когда первый раз я его вел по своей выставке, он добросовестно посмотрел все шестьсот вещей, но задерживался перед картинами с грозой, с ливнем, выгой. Что-то такое стихийное и драматическое. Его не интересуют вещи спокойные.

— У признанного художника в России сейчас, как правило, два пути: к властям (с этим у вас все в порядке) и к «храму» (в Храме Христа Спасителя работают главные академические силы). Каковы ваши отношения с церковью?

— Заказов от церкви я не получаю, да и не стремлюсь. Я уже когда-то сделал сто двадцать квадратных метров росписей в храме недалеко от метро «Рижская». В принципе, это для меня не сложно: пишу я сразу красками без рисунка и по памяти. Как раз то, что нужно в работе по сырой штукатурке. У меня масса исторических картин, портретов и монастырских видов. Но нужно быть достойным церковных заказов. Меня приглашали в Оптину Пустынь. Приехало десять человек монахов, уговаривали. Но иконопись — это молитва в красках, а не халтура в красках. Касаться этого должен мастер подготовленный и достойный. Себя таким не считаю, хотя у меня множество знакомых иконописцев — я и отца Зенона писал акварелью с натуры в Даниловском монастыре.

— На злободневные сюжеты вы в своем творчестве не откликаетесь?

— Откликаюсь. Вещи злободневные — это человеческие. Сказать, что в правительстве жулики, или то, что делали авангардисты в перестройку (помните известную вещь с отражением Храма Христа Спасителя в бассейне?) — это еще не злободневность. Нет бассейна — и актуальность пропала. Публицистика всегда только губила искусство.

— Но зато есть другой крен — салон, когда на картине все красиво и безобидно.

— Пришел Малевич, сделал три квадрата — и все наперекосяк. Кстати, вы знаете, что у него не один, а три квадрата было: черный, красный и белый? И что он написал, когда белый квадрат сделал? "Пролетариат у искусство не нужно". Это хулиганство. Искусство — это не сумасшедший дом. А сумасшедший дом — это когда вы лежите, смот-

рите на потолок, а там трещина зайтильная и вам мерещится в ней какая-то гора или еще что-нибудь. На этом построен весь авангард. Но я еще не наркоман. Я здоровый человек. Если я знаю, что это шариковая ручка, а не чайник, зачем убеждать меня в обратном. Не нужно делать из меня идиота.

— Следуя вашей логике, здоровому человеку незачем заниматься искусством. В принципе, он может выехать в лес и там наслаждаться красотой.

— Каждый видит мир по-своему, и в этом смысл. Я, например, с детства все вижу в красках, вижу цветные сны. Я, может быть, больше авангардист и абстракционист, чем те, кто себя так именуют. Мне не важно что, мне важно как изображено. Для художника работа — это собеседование, исповедь. Переложение своих проблем на другого.

В начале века был такой искусствовед Евреинов. Он дружил с Репиным, с Маяковским, Бакстом, Добужинским. Его все рисовали. А мать собирала эти портреты. И в один прекрасный день он увидел потрясающую галерею. Везде был он, но на самом деле это были портреты художников (он написал об этом). Репин изобразил его снизу вверх (сразу было видно высокомерие Репина). Сорин безумно любил нравиться женщинам — он его таким вальяжным и сделал. Маяковский его словно топором вырубил... Когда ко мне приходит заказчик и хочет заказать свой портрет, он не понимает, что это будет портрет художника.

— Вы много пишете портретов на заказ?

— Мало. Я не умею льстить. У меня всегда были неприятности с женщинами в зрелом возрасте, которых приходилось писать на заказ. Я не могу делать их такими, какими они были лет двадцать назад.

— К критике и к похвалам относитесь спокойно?

— По-разному. Вот приехали на вернисаж с НТВ. Долго снимали, интервью брали. Правда, их больше Лужков интересовал. Я распинался, рассказывал. Вечером смотрю телевизор — а там такого нарезали и такая подтекстовка! Я выгляжу как идиот, Лужков выглядит как идиот и вообще выставка идиотская. В следующий раз они приехали, а я им прямо в камеру сказал: а не пошли бы вы... Подошел советник Лужкова: зря, говорит, ты с ними так, теперь мы с НТВ дружим. Но мне все равно, кто с кем дружит.

Беседовал
Сергей СОЛОВЬЕВ

Андрияка
Сергей

14.8.99.